

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей**

**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии**

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)**

16–17 февраля 2015 г.

Санкт-Петербург

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016**

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель	12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем»	16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951) ..	21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного	48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014)	59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа	67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы	77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии	86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного	95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.	112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке	121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг.	121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»	123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения	124
Б. Кумекоев. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного	125
В. В. Тренавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник»	125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология	126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного	127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка	128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъяснительного наклонения в монгольском языке.....	134
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин	138
Р. М. Валеев, О. Д. Васильюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв.....	153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции.....	160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго	167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев	186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов <i>отуз-татар</i> и <i>токуз-татар</i> древнетюркских рунических текстов	195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)	205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана.....	216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры <i>ажо</i> и <i>иди</i> енисейских и алтайских кыргызов	229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West	238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима)	257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г.	266
Список авторов статей и выступлений	268

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТНОПОЛИТОНИМОВ ОТУЗ–ТАТАР И ТОКУЗ–ТАТАР ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация. Статья предлагает новую интерпретацию выражений *отуз-татар* и *токуз-татар* древнетюркских и древнеуйгурских рунических текстов, числовые обозначения которых ученые связывали до сих пор с числом племен, из которых состояли татары в разные периоды истории. Соответственно эти выражения переводились как «тридцать племен татар» и «девять племен татар». На основе анализа сведений тюркских и китайских источников о древних татарах реконструируется исторический контекст использования данных выражений и проводится связь выражений *отуз-огуз* и *токуз-огуз* с родоплеменной структурой Тюркского и Уйгурского каганатов, основу которых составляли тридцать (*отуз*) тюркских и огузских племен и девять огузов (*токуз-огуз*).

Ключевые слова: *отуз-татар, токуз-татар, древнетюркская эпоха, тюркские и уйгурские рунические надписи*

Ранняя история татар, как и многих других древних обитателей Центральной Азии, таит в себе немало загадок, которые связаны со скудостью сведений письменных источников. Главными источниками по истории древних татар являются древнетюркские рунические памятники и китайские исторические сочинения. Основной корпус китайских известий о татарах относится к более позднему времени — ко времени возвышения монголов, и включает, в первую очередь, сведения сочинения «Мэн-да бэй-лу» (Полное описание монголо-татар), составленного в начале XIII в. [Мэн-да бэй-лу 1975]. Сведения китайских источников о татарах в полной мере были проанализированы еще в начале XX в. японским ученым Янай Ватари [Yanai 1933], а несколько позже известным китайским историком Ван Говэем [Wang Guowei 1962; Ерзин 2015, с. 9] и французским востоковедом Полем Пельо. Что касается изучения сведений о татарах в древнетюркских рунических памятниках, большая заслуга в этом принадлежит выдающемуся российскому тюркологу Сергею Григорьевичу Кляшторному, который на основе сопоставления данных тюркских рунических надписей с известиями «Джами ат-таварих» Рашид ад-дина и китайских сочинений реконструировал ранние этапы истории татар Центральной Азии и поставил их в общий контекст истории тюрков и монголов, обосновав жуаньжуаньское происхождение татар [Кляшторный 2006; Кляшторный 2010, с. 161].

К еще не разрешенным вопросам истории древних татар относится упоминание в рунических памятниках двух разных сочетаний этнонима *татар*

с числительными — *отуз-татар* (тридцать татар) и *токуз-татар* (девять татар), которые обычно интерпретируются учеными как обозначения численного состава татарских племен на разных этапах их истории. Данная статья предлагает новую интерпретацию выражений *отуз-татар* и *токуз-татар* и посвящается светлой памяти Сергея Григорьевича Кляшторного.

Рассмотрим, каков был характер ранних сведений о татарах в тюркских и китайских источниках. Впервые слово *татар* в тюркских рунических надписях встречается вместе с числительным *отуз* (тридцать) — *отуз-татар*. В памятнике в честь Кюль-тегина (732 г.) *отуз-татары* называются в перечне народов, присутствовавших на похоронах первых тюркских каганов Бумына и Истеми: «[В качестве] плачущих и стонущих [т. е. для выражения соболезнования] [пришли] спереди, из [страны] солнечного восхода, народ степи Бёклийской, [а также] *табгач*, *тибетцы*, *авары* и Рим, *киргизы*, *уч-кураканы*, *отуз-татары*, *кытай* и *татабийцы*, столько много народов, придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они» [Малов 1951, с. 36].

Следующее по времени упоминание *отуз-татар* в тюркских рунических надписях связано с возрождением Восточнотюркского каганата в 689 г. Вернувшись в степь после длительного пребывания на территории Китая, тюркский Ильтериш-каган был встречен враждебно коалицией местных племен, среди которых были и *татары*. Та же надпись Кюль-тегина сообщает об этом следующее: «Справа (т. е. на юге) народ *табгач* был врагом, слева (т. е. на севере) народ *токуз-огузов* [под начальством] Баз-кагана был врагом, киргизы, курыканы, *отуз-татары*, кидани и татабы все были врагами» [Кляшторный 1964, с. 33].

В первое десятилетие существования Уйгурского каганата (744–840 гг.) *татары* поддержали грозное восстание восьми *огузских* племен (*секиз-огузов*, т. е. всех *огузов*, за исключением ведущего племени *уйгур*), выступивших против каганов из уйгурского рода Яглакар. При этом авторы уйгурских надписей называют татар не *отуз-татарами*, а *токуз-татарами*. Восстание *секиз-огузов* и *токуз-татар* против Элетмиш Бильге-кагана началось сразу после его восшествия на престол в 747 г. и продолжалось до 749 г. С. Г. Кляшторный видел причины восстания в том, что уйгурские князья из рода Яглакар не имели никакого превосходства и приоритета знатности в сравнении с разгромленным ими в VII в. главным огузским племенем — *сирами* (*сеяньто*), в связи с чем «принятый ими каганский титул в правовых представлениях других *огузских* племен был по меньшей мере сомнительным» [Кляшторный 1986, с. 161]. Ход восстания *секиз-огузов* и *токуз-татар* подробно изложен в надписи из Могойн Шине-усу (Селенгинский камень,

760 г.). Токуз-татары также упоминаются в Терхинской (Тарьятской) надписи того же Элетмиш Бильге-кагана [Кляшторный 2010, с. 42; Kataayama 1999, с. 171]. Анализ сведений надписи показывает, что решающим в войне с сепкиз-огузами и токуз-татарами был 749 г., в течение которого произошло по меньшей мере шесть сражений каганского войска с повстанцами. Последнее из этих сражений, состоявшееся 15 числа 8 месяца (749 г.), принесло уйгурам победу над татарами, часть которых подчинилась, а часть ушла к киданям: «Пятнадцатого числа того же месяца у ключа Кэйрэ и у трех речек Биркю столкнулся я с татарами и побил их. Половина народа присоединилась к нам, другая половина добралась до (киданей?)» [Малов 1959, стк. 18, с. 40]. В последующем татары не упоминаются в уйгурских источниках [Камалов 2001, с. 82–83]. Их подчиненное положение в Уйгурском каганате засвидетельствовано китайским историком XII в. Ван Минцзи, который писал, что «татары были пастухами коров у уйгуров» [Кляшторный 2006, с. 535].

Удивительно, что татары, являвшиеся значимым племенем в тюркскую и уйгурскую эпохи, практически не упоминаются в китайских текстах о древнетюркских племенах. Впервые термин «татар» встречается в описании уйгурского пути (дороги ветров) в «Синь Таншу» (Новая история династии Тан), где он зафиксирован в составе топонима, а именно в названии озера *Даданьшань*, т. е. «Татарская гора» [XTS 1936, гл. 43, л. 76; Камалов 2014, с. 48].

Что касается самого раннего упоминания в китайских источниках слова *татар* как названия племени, мы находим его в одном из писем танского министра Ли Дэюя, разрабатывавшего политику в отношении уйгурских племен, бежавших к границам Китая после крушения Уйгурского каганата в 840 г. В переписке Ли Дэюя с кыргызами сообщается об их планах захвата наряду с бывшими уйгурскими землями также «Аньси, Бэйтин и пять племен татар» [Drompp 2005, с. 127]. Майкл Дромпп считает, что в данном случае речь идет о татарах Ганьсу [Drompp 2005, с. 129]. В другом письме Ли Дэюя татары упоминаются вместе с племенами *хэйчэцзэ* (кит. «черные телеги»), которые приняли в свой лагерь бежавших к границе Китая уйгуров [Drompp 2005, с. 216–217].

В последующую эпоху татары упоминаются в заметках сунского посла Ван Яньдэ, посетившего Уйгурское Турфанское княжество в 981–983 гг. Примерно к тому же времени относятся сведения о татарах в тангутских источниках. Е. И. Кычанов, который проанализировал эти сведения, отметил, что название «татар» ко времени появления тангутского государства Си Ся (982–1227 гг.) применялось как обобщенное название населения северных территорий, а также и собственно татар. Татары были северными и восточными соседями тангутов, которые на западе граничили с уйгурами

[Кычанов 2008, с. 34]. Следует также добавить, что более поздние китайские источники ведут происхождение татар от тюрков *шато* танского времени, что, возможно, связано с адаптацией части татар, жившей с *шивэй*, в тюрко-согдийской среде шатосцев Северного и Северо-Восточного Китая [Мэн-да бэй-лу 1975, с. 45].

Приведенный выше экскурс в историю ранних татар может служить общим фоном для обсуждения вопроса о двух разных наименованиях татар, встречающихся в тюркских и уйгурских рунических текстах — *отуз-татар* и *токуз-татар*. Наличие двух наименований *отуз-татар* и *токуз-татар* в рунических текстах было отмечено С. Г. Кляшторным, который писал по этому поводу: «Заметим, что в ситуации VI–VII вв. союз татарских племен назван в орхонских надписях «тридцатью татарами (*отуз-татары*), а в середине VIII в., как и в енисейской надписи из Хербис-Баары, они названы «девятью татарами» (токуз-татарами). Не исключено, что в изменении названия отражен распад первоначальной группировки татарских племен» [Кляшторный 2006, с. 534–535]. Действительно, «превращение» *тридцати татар* в *девять татар* в течение ста или двухсот лет можно рассматривать как распад большого тридцатиплеменного союза на союз из девяти племен. Хронологическая последовательность упоминания *отуз-татар* в тюркское время, а *токуз-татар* — в уйгурскую эпоху, не противоречит такой интерпретации.

Существуют другие гипотезы, касающиеся *отуз-татар* и *токуз-татар*. Так, Ван Говэй предлагал идентифицировать с *отуз-тата́рами* тюркских памятников татар Ганьсу, упоминаемых в письме Ли Дэюя (842 г.), а татар, живших вместе с племенами *хэйчэцзэ* (*шивэй*) — с *токуз-тата́рами* уйгурских надписей [Pelliot 1928, с. 124–125]. Согласно такому пониманию, изменение числовых обозначений татарских племен (тридцать и девять) в рунических текстах связано не с распадом татарских племен, а с одновременным существованием двух групп татар на разных территориях. Такое предположение о существовании в 840-х гг. двух групп татар — в Ганьсу и в районах, граничащих с северным Китаем, не подкрепляется какими-либо свидетельствами и вряд ли может быть принято. Отвергая мнение Ван Говэя, Поль Пельо предположил, что в письмах Ли Дэюя речь идет об одних и тех же татарах, которые могли в период переписки министра, с 842 г. до 848 г., переселиться из района Аньси и Бэйтина в Восточном Туркестане на юго-восток, к племенам *хэйчэцзы* (*шивэй*). Однако Майкл Дромпп исключает возможность такой миграции на основании того, что «восточные» татары (вместе с *хэйчэцзы*) упоминаются в письме, датированном 842 г., а не 848 г. [Drompp 2005, с. 217, комм. 14]. Тем самым письма Ли Дэюя действитель-

но зафиксировали две группы татар — в Ганьсу и приграничных к Китаю землях современной Внутренней Монголии и Маньчжурии. Однако это деление едва ли может быть связано с *отуз-татарами* и *токуз-татарами*, учитывая, что Ли Дэюй в своем письме говорит о пяти племенах татар.

Вместе с тем существует возможность иной трактовки выражений *отуз-татар* и *токуз-татар* тюркских рунических текстов: числовые обозначения в наименовании *татар* могли быть не реальным количеством племен, входящих в союз племен, а символическим или нести иную смысловую нагрузку, связанную с родоплеменными структурами Восточнотюркского и Уйгурского каганатов, в которых большое значение имело деление племен на тридцать и девять.

Тот факт, что выражение *отуз-татар* встречается исключительно в памятниках тюркской эпохи, а *токуз-татар* — в тюркской надписи Бильге-кагана (734 г.) и памятниках уйгурского Элетмиш Бильге-кагана, созданных в начальный период существования Уйгурского каганата, позволяет обратиться к практике употребления числовых обозначений *отуз* и *токуз* в тюркскую и уйгурскую эпохи.

Отуз-татары. В тюркских и китайских источниках кроме выражения *отуз-татар* не имеется других случаев употребления числа «тридцать» в этнонимах: единственное выражение с числительным «тридцать» — *отуз-оглан* (тридцать сынов) в тюркских текстах не имеет отношения к этнонимике. Однако наличие тридцати племен было установлено учеными в структуре восточных тюрков посредством анализа сведений о составе тюркских и огузских племен. Исследования венгерского ученого К. Цегледи показали, что ядро племенной структуры Восточнотюркского каганата состояло из тридцати племен: из двенадцати племен тюрков и восемнадцати племен огузов. Двенадцать племен тюрков зафиксированы в китайском тексте эпитафии согдийца Кан А-и Кюль-таркана, составленном танским министром Янь Чжэньцином: «[Среди] сильных [народов] Севера самыми сильными были *двенадцать* фамилий» [Камалов 2004, с. 168]. Вместе с тем тюркский Бильге-каган называет «своим собственным народом» *токуз-огузов*, то есть рассматривает их как часть племенного союза Тюркского эя [Малов 1959, с. 21]. Токуз-огузы состояли в то время из девяти племен *огузов* во главе с племенем *уйгур*, которое в свое время распадалось еще на десять родов (*он-уйгур*), что в общей сложности давало 18 огузских подразделений. На основании этих данных К. Цегледи сделал вывод о том, что двенадцать тюркских племен и восемнадцать огузских составляли тридцатиплеменную структуру тюркского эя, именно поэтому Бильге-каган обращается к огузам как к своему «собственному» народу, особо выделяя

их от других племен. Если это так, то ядро этнической структуры тюркского государства составляли тридцать племен *тюрков* и *огузов* [Czeglédi 1972, с. 276; Dobrovits 2004, с. 260]. В этом случае число *отуз* (тридцать) стало элементом названия господствующего союза, в зависимости или в подчинении которого находились *татары* и другие племена. Числовое обозначение «тридцать» закрепилось за союзом *тюрков* и *огузов* только в период существования Второго Восточнотюркского каганата; этот союз распался в 730 г., после изгнания тюрков в Китай и образования каганата во главе с каганом из племени *сеяньто* [Малявкин 1980, с. 107–108]. Отражением этой тридцатиплеменной структуры и стало название *отуз-татар*, которое могло означать не «тридцать племен татар», а «татары, относящиеся к тридцати племенам *тюрков* и *огузов*». Иными словами, в выражении *отуз-татар* числительное *отуз* (тридцать) характеризовало всю тюрко-огузскую родоплеменную структуру, в состав которой были включены и татары. Отсутствие в рунических текстах выражения *отуз турк огуз* (тридцать тюрков и огузов) не может служить препятствием для такого понимания выражения *отуз-татар*, так как тюркские рунические тексты дошли до нас только во фрагментах, а о многих важных событиях или фактах из истории тюрков мы узнаем из иноязычных источников, прежде всего, китайских. Так, название царского рода тюрков Ашина или численный состав восточных тюрков сохранились только в китайских источниках.

Токуз-татары. Перейдем теперь к рассмотрению термина *токуз-татар* в тюркских рунических надписях. Этот термин впервые употреблен в надписи Бильге-кагана в описании антитюркских восстаний в 723–724 гг., в котором *токуз-татары* упоминаются как союзники *токуз-огузов*. Появление первого упоминания *токуз-татар* именно в сообщении о событиях, связанных с *токуз-огузами*, на наш взгляд, является неслучайным и служит ключом к его пониманию.

Токуз-огузы — восточная ветвь *огузов*, населявших обширные территории Внутренней Азии, вышла из союза племен *теле* (тюрк. *тегрег*) [Hamilton 1962, с. 26]. Их ближайшим предком был народ *гаочэ*, соперничавший за власть с *жуаньжуанями* (*аварами*) и создавший ханство в Восточном Туркестане и Ганьсу в IV–V вв. Сведения о составе *токуз-огузского* племенного союза содержатся в китайских источниках и по-разному интерпретируются учеными. Само формирование *токуз-огузского* союза ученые относят к 647 г., когда ведущее *телеское* племя *сеяньто* (*сиры* тюркских надписей), создавшее Сеяньтоский каганат, было разгромлено и покинуло этот союз, а главенствующее место в нем заняли уйгуры [Czeglédi 1972; Czeglédi 1982, с. 90]. В первые десятилетия Уйгурского каганата *токуз-огузские* племена

консолидировались вокруг уйгурских каганов из рода Яглакар, и название господствующего и самого крупного племени *уйгур* распространяется на весь *токуз-огузский* союз, который отныне стал именоваться *уйгурским*.

В китайских текстах понятию *токуз-огузы* соответствует название «девять фамилий» (кит. *цзюсин*), а входившие в состав *токуз-огузов* племена часто именуются «племенами девяти фамилий». При этом понятие «девяти фамилий» вначале применяется ко всему *токуз-огузскому союзу* (кит. *цзюсин теле*), а затем и к отдельными входившим в него племенам, например, «*уйгуры девяти фамилий*» (кит. *цзюсин хуэйху*), «*тонгра девяти фамилий*» (кит. *цзюсин тунло*), «*байарку девяти фамилий*» (кит. *цзюсин баегу*) и т. д. Подробный анализ китайских сведений о *токуз-огузах* (девять фамилий) можно найти в трудах Т. Ханеда, Э. Пуллиблэнка и Дж. Гамильтона [Haneda 1957; Pulleyblank 1956; Hamilton 1962].

То, что термин *токуз-татар* впервые начинает употребляться в тюркских рунических памятниках вместе с термином *токуз-огуз*, обозначающим народ, с которым татар связывают союзнические отношения, а в первые годы установления верховной власти уйгурских каганов *токуз-татары* поддерживают восстание восьми *огузских* племен (*секиз-огуз*), свидетельствуют не только о тесных связях *токуз-татар* с *токуз-огузами*, но и о фактической «включенности» их в *токуз-огузский* племенной союз. После установления в степи уйгурской власти *татары*, как отмечалось выше, находились в подчинении уйгуров (*токуз-огузов*).

Все эти обстоятельства наталкивают на мысль, что выражение *токуз-татары* в древнеуйгурских рунических текстах возникло в связи с фактической инкорпорацией *татар* в правящий племенной союз *токуз-огузов* во главе с *уйгурами*. Если во Втором Восточнотюркском каганате Бильге-каган называл своим народом *тюрков* и *огузов*, то уйгурский Элетмиш Бильге-каган таким же образом мог называть своим народом *огузов* и *татар*. Представляется, что именно с установлением союзнических отношений с *токуз-огузами* татары получают наименование *токуз-татар*, которое следует понимать не как «*татары*, состоящие из девяти племен», а как «*татары*, находящиеся в составе *токуз-огузов*». Тесные связи *огузов* и *татар* проявились во время упомянутого выше *огузского* мятежа в 747–749 гг., когда восемь *огузских* племен и *татары* выступили совместно против уйгурского Элетмиш Бильге-кагана. Таким образом, выражение *токуз-татар* оказывается связанным с особенностью родовой структуры *токуз-огузов* (*уйгуров*), точно так же, как в предыдущую эпоху название *отуз-татар* имело отношение к тридцатиплеменной структуре Тюркского эля.

Такая трактовка наименований *отуз-татар* и *токуз-татар* в тюркских и уйгурских рунических памятниках может служить дополнительным маркером датировки тех или иных сведений, в которых упоминаются татары. Например, надпись на кыргызской стеле из Хербис-Баары (Тува), обнаруженная С. И. Вайнштейном и изданная А. М. Щербаком, содержит сведения о походе на татар, гласящее «В свои двадцать семь лет, ради моего государства, я ходил на токуз-татар» [Кляшторный 2006, с. 534]. Исходя из предложенной нами трактовки выражения *токуз-татар*, эта информация может быть датирована периодом после 630 г., когда сформировался *токуз-огузский* племенной союз, что в свою очередь привело к появлению термина *токуз-татар*.

В заключение отметим, что цифровые обозначения в наименованиях *отуз-татар* и *токуз-татар* тюркских и уйгурских рунических текстов до сих пор воспринимались как показатели количественного состава татарского племенного союза и предполагалось, что речь идет о двух племенных союзах, состоявших соответственно из тридцати и девяти подразделений. Предложенный анализ показывает, что цифровые обозначения *отуз* и *токуз* в этнониме *татар* могут быть связаны не с фактическим численным составом татарских племен, а с политическими образованиями «тридцати *тюрков* и *огузов*» и «девяти *огузов*», с которыми *татар* связывали отношения подчинения и союза во время существования Восточнотюркского и Уйгурского каганатов. Соответственно выражения *отуз-татар* и *токуз-татар* тюркских и уйгурских рунических текстов нужно понимать не как «татары, состоящие из тридцати племен» и «татары, состоящие из девяти племен», а как соответственно «татары, относящиеся к союзу тридцати племен (*тюрков* и *огузов*)» и «татары, относящиеся к девяти (*огузам*)». Эти обозначения потеряли актуальность после консолидации уйгурских племен в поздние периоды истории Уйгурского каганата, когда название главного токуз-огузского племени — *уйгур*, было перенесено на весь токуз-огузский племенной союз, который стал называться *уйгурским*, хотя арабо-персидская историческая традиция, не знавшая произошедших в степи изменений, по-прежнему продолжала применять название *токуз-огуз* к уйгурскому населению Турфанского княжества в Восточном Туркестане.

Библиография

1. Ерзин 2015: Ерзин М. Из глубины Евразии. Алматы, 2015.
2. Камалов 2004: Камалов А. К. Эпитафия согдийца Кан-а-и кюль таркана // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дешт-и кипчака в XIII–XVIII вв. Алматы, 2004. С. 158–169.

3. Камалов 2001: Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы, 2001.
4. Камалов 2014: Камалов А. К. Дорога ветров или «уйгурский путь»: о значении торговых путей через территорию кочевников в древнетюркскую эпоху // Известия Национального центра архивоведения. № 3. 2014. С. 46–51.
5. Кляшторный 1964: Кляшторный С. Г. Древнетюркские источники как источники по истории Средней Азии. М., 1964.
6. Кляшторный 1986: Кляшторный С. Г. Кипчаки в рунических памятниках // *Turcologica*-1986. К 80-летию академика Кононова А. Н. Л., 1986. С. 153–164.
7. Кляшторный 2006: Кляшторный С. Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 531–541.
8. Кычанов 2008: Кычанов Е. И. Тангутские (Си Ся) источники о татарах // *Mongolica*-VIII. СПб, 2008. С. 34–36.
9. Малов 1951: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
10. Малов 1959: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.
11. Малявкин 1980: Малявкин А. Г. Тактика танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 103–126.
12. Мэн-да бэй-лу 1975: *Мэн-да бэй-лу* (Полное описание монголо-татар). Перевод с китайского, введение, комментарии и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975.
13. Czeplédi 1972: Czeplédi K. On the numerical composition of the ancient Turkish tribal confederations // *Acta Orientalia Hungarica*. Vol. XXV. 1972. P. 275–281.
14. Czeplédi 1982: Czeplédi K. Zur Stammesorganisation der türkischen Völker // *Acta Orientalia Hungarica*. Vol. XXVI. 1982. S. 89–93.
15. Dobrovits 2004: Dobrovits M. The thirty tribes of the Turks // *Acta Orientalia Hungarica*. Vol. LVII (3). 2004. P. 257–262.
16. Drompp 2005: Drompp M. R. Tang China and the Collapse of the Uighur Empire: A Documentary History. Leiden-Boston, 2005.
17. Hamilton 1962: Hamilton J. R. Toquz-oguz et on-uygur // *Journal Asiatique*. № 250. 1962. P. 23–64.
18. Haneda 1957: Haneda Toru. Kiusai kaikotsu to tokuz-oguz no kansei rondzu // Haneda hakase sigaku rombun siu. 1. Rekisi han. Kyoto, 1957. P. 325–394.
19. Katayama 1999: Katayama Akio. Tariat inscription // Provisional report of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. Ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. Osaka, 1999. P. 168–176.
20. Pelliot 1928: Pelliot P. L'édition collective des oeuvres de Wang Kuou-wei // *T'oung pao*, 26, nos. 2–3. 1928. P. 113–182.
21. Pulleyblank 1956: Pulleyblank E. Some Remarks on the Toquz-Oguz problem // *Ural-Altaische Jahrbücher*. Bd. XXVIII, 1–2. 1956. P. 35–42.
22. Wang Guowei 1962: Wang Guowei. Dada kao. Taipei, 1962.

23. XTS 1936: *Xin Tangshu*. Ou Yanxu. «Sibu congkan» series. Shanghai, 1936.
24. Yanay 1933: *Yanay Watari*. Dadan kao. Shanghai, 1933.

Ablet K. Kamalov

INTERPRETING THE ETHNO-POLITONYMS OTUZ-TATAR AND TOQUZ-TATAR OF THE OLD TURKIC RUNIC INSCRIPTIONS

Abstract: *The article gives a new interpretation of the terms otuz-tatar and toquz-tatar of the old Turkic and Uyghur runic inscriptions, in which the figures otuz (thirty) and toquz (nine) have so far been interpreted as indicators of numerical composition of the Tatars and translated respectively as “thirty tribes of the Tatars” and “nine tribes of the Tatars”. Based on the analysis of accounts of Turkic and Chinese sources on the ancient Tatars the author reconstructs the historical context of the use of those terms and connects the notions otuz-tatar and toquz-tatar with tribal structures of the Turkic and Uyghur Khanates that consisted respectively of thirty (otuz) tribes of Turks and Oghuzs and nine tribes of Oghuzs (toquz-oghuz).*

Keywords: *otuz-tatar, toquz-tatar, ancient Turkic epoch, Turkic Uyghur runic inscriptions*